

Владимир Карлович Кантор

Революция, или Безумие в облике истины*

1. *Война и безумие*

Хорошо образованные люди, как правило, принимают то положение, что мир дуален, что он двойствен, что есть добро и зло, свет и тьма, Ормузд и Ариман. Бог и Сатана, Христос и антихрист, святые и злые духи, необходимость и случайность, Восток и Запад, право и лево и т.д. Но почему-то все уверены со времен Гегеля, а может, и Декарта, что мировая история имеет разумный план, что существует только тот человек, который мыслит и что Мировой Разум господствует в истории и то, что нам кажется злом, есть лишь преходящий исторический момент. Однако безумие как антитезу Разума не рассматривает практически никто, хотя о безумии написано немало работ. Но везде безумие трактуется как некая флуктуация, некая случайность. Но если учесть, что по диалектическому закону случайность равноправна необходимости, нельзя ли и Безумие вставить в этот диалектический ряд, как полноценную антитезу Разума.

Я постараюсь показать роль безумия на историческом примере русской революции 1917 года. Начну с очевидного для всех факта безумия – войны, которая всегда пытается найти себе оправдание, начиная с Гераклита, говорившего, что война отец всего. Но, добавляя он, одних она поднимает, других превращает в рабов. Но положение раба вряд ли можно одобрить, не говоря уж о том, что рабство чревато новыми катаклизмами и поворотами. Например, новыми – освободительными – войнами. Жизнь человека в этом контексте находится безо всякой защиты. Все разумные нормы перестают существовать, война порождает безумие. Об этом писали не раз в России – Всеволод Гаршин в рассказе *Трус (Балканская война)*, Леонид Андреев в повести *Красный смех*, в которой он словно провидел ужас последствия атомной бомбардировки:

– Много раненых? – спросил я. Он махнул рукой. – Много сумасшедших. Больше, чем раненых.

– Настоящих?

– А то каких же?

Он смотрел на меня, и в его глазах было то же остановившееся, Дикое, полное холодного ужаса, как и у того солдата, что умер от солнечного удара.

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

– Перестаньте, – сказал я, отворачиваясь.

– Доктор тоже сумасшедший. Вы посмотрите-ка на него.

Доктор не слышал. Он сидел, поджав ноги, как сидят турки, и раскачивался, и беззвучно двигал губами и концами пальцев. И во взгляде у него было то же остановившееся, остолбенелое, тупо пораженное.

Но и Первая мировая уже была по сути предвестием и Второй мировой и Хиросимы. Русский философ Федор Степун писал с фронта будущей жене:

Война есть безумие, смерть и разрушение, потому она может быть действительно понятна лишь окончательно разрушенным душевно или телесно – сумасшедшим и мертвецам (Степун 2000в: 190).

Из войн, как правило, происходят революции: чем разрушительнее и безумнее война, тем разрушительнее следующая революция. Ханна Арендт писала в своей книге *О революции*, что эта связь особенно ясно проявилась в Новое время:

Война и революция до сих пор составляют две центральные темы политической жизни XX века (Арендт 2011: 5).

И далее:

Русская революция 1905 года, последовавшая за поражением царизма в русско-японской войне, явилась зловещим знаком судьбы, уготованной режимам в случае их военного поражения (Арендт 2011: 11).

Однако дело все-таки не только в поражении, а в возникновении особого состояния умов. Вспоминая начало войны в 1914 г., Троцкий приводит свой разговор с австрийским социалистом Фридрихом Адлером:

На улицу сейчас выходят все неуравновешенные, все сумасшедшие, это их время. Убийство Жореса – только начало. Война открывает простор всем инстинктам, всем видам безумия (Троцкий 1991: 230).

Как же произошел отказ от разума? Как случилась русская революция? Война очевидно не проиграна. По словам английского исследователя, Россия потерпела поражение и развалилась как государство, выиграв войну:

Брусиловский прорыв – наступление войск Юго-Западного фронта во время Первой мировой войны в мае-июле 1916 года. Российские войска под руководством генерала А.А. Брусилова прорвали позиционную оборону австро-венгерской армии и заняли значительную территорию. Противник потерял до 1,5 млн. человек (Ливен 2007: 451-452).

Голода в Петрограде нет, есть небольшие задержки с продажей хлеба, но толпы дезертиров и оборванцев бродят по столице, пугая мирных обывателей, порядок с улиц исчез. Женщины вышли на улицы, негодуя на задержку с хлебом. Их поведение вроде бы понятно, но во время войны ситуация нормальная, если не учитывать, что микроб безумия от дезертиров перешел мирных жителей города. Еда была, но бесила медленность ее подачи. Возникает странное ощущение зомбированности толпы. Хаотическое движение женских толп по городу напоминает *Безумную Грету* Брейгеля. И все же никто не помышляет ни о революции, ни о перевороте. А что делает царь? Ровным счетом *ничего*. Он боится. Этот страх был своего рода сумасшествием.

Царь был трусоват, на него давило воспоминание, своего рода ночной кошмар, воспоминание о 9 января, когда он допустил расстрел народа, шедшего к нему с хоругвями. С.Н. Булгаков писал об этом так:

Агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным самоубийством самодержавия. <...> Раньше могло казаться, что революцию сделали революционеры. <...> К несчастью, революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия. <...> Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие, Царя, как мистическую, священную Государственную власть, и я обречен был видеть, как эта теократия *не удалась* в русской истории (Булгаков 1996: 332).

Втравив Россию по просьбе Великобритании в войну с Германией, царь потерял власть и империю. Столыпин считал, что должен укрепляться союз с Германией, ибо англичанам и французам после Крымской кампании он не доверял. Подставив Столыпина под пулю террориста, сняв охрану премьер-министра, ревновавший к его силе и популярности, царь после его гибели произвел ревизию петровского наследия, ставшую, по сути, отрицанием русской государственности, что выразилось, прежде всего, в смене опорных символов. Скажем, произошло

бездарное и безвкусное переименование Петербурга Петра и Пушкина в Шишковско-националистический Петроград (Степун 2000в: 5), –

как написал воевавший на германском фронте русский философ Федор Степун. Царь не только русифицировал имя города, но лишил город его святого (убрав “Санкт”!), т.е. сломал один из главных имперских символов. А символ всегда есть сгущенное воплощение реальности. И, конечно, гораздо проще возникнуть Ленинграду из Петрограда, нежели из Санкт-Петербурга. Далее шла подмена исторических сущностей. Ставши Петроградом, Санкт-Петербург по сути обратился в инвариант Москвы. То духовное напряжение в стране, которое вызывал подлинно европейский город, противостояние двух столиц, создававшее духовное поле в ранее монологической куль-

туре, сошло на нет. Гибель Петербурга стала гибелью русской европейской империи. А когда надо было спасать государство, оказалось, что ни воли, ни силы у царя нет.

В поэме *Россия* Максимилиан Волошин увидел в этом переименовании открытие пути бесам:

Санкт-Петербург был скроен исполином
Размах столицы стал не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить, -
И пляшет стол, и щелкает стена –
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя.

1924

Неслучайно Россия в последние дни империи уже жила так, как будто никакого царя не было. Как замечал русский историк В. Булдаков, общество всегда охотно осуждает убийц, оплакивает их жертв, но суеверно шарахается от самоубийц. Поведение последних пугает куда больше, ибо за ним кроется генетически обусловленная суицидальность человека. Революцию можно рассматривать как массово-историческое проявление этой склонности. И первым самоубийство совершил царь, убив империю, то есть тем самым и себя, и свою семью, как показало дальнейшее течение событий. Виноваты оказались все. Вслед за царем самоубийство совершило общество и народ. Все мифы о революции, выделяющие палачей и жертв, призваны удовлетворить потребность в легких, успокаивающих истинах. Но истины эти отнюдь не безопасны, ибо делают людей беззащитными перед всяким очередной эпидемией социального умопомешательства и массового насилия.

Собственно легкость февральского (мартовского) удара по империи показала готовность императора стать жертвой. Как пишет французская исследовательница:

Февральская революция началась в Петрограде – так был переименован Санкт-Петербург в начале войны, чтобы изгнать немецкий привкус из его названия – и длилась шесть дней, которых хватило, чтобы уничтожить монархию (Д'Анкос 2002: 143).

У нас в стране от главы государства всегда зависит очень многое. Николай II не обладавший ни волей, ни инстинктом власти, стал лишней фигурой для правящей верхушки и для народа. И либералы, и генералы хотели всего лишь сменить царя. *Это казалось простым и истинным решением. Но такая смена верховного правителя во время тяжелой войны на самом деле была безумием и вела к катастрофе, которая и произошла как бы сама собой.*

Солженицын писал:

Революционеры были готовы к этой удивительной революции не намного больше правительства. Десятилетиями наши революционные партии готовили только революцию и революцию. Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлётом патриотизма в 1914 году, – они к 1917 оказались ни в чём не готовы. <...>. В совершении революции ни одна из революционных партий не проявила себя <...> Так революция началась без революционеров (Солженицын 2016: 9-10).

И возникает важнейший вопрос. *Была ли вообще в феврале революция или царство просто само по себе распалось?* Ушла армия, как хотел Лев Толстой, развалились суды, государство. Кстати, К. Леонтьев в статье, где он говорит о приходе антихриста, поминает Толстого:

И старый безумец Лев Толстой продолжает безнаказанно и беспрепятственно проповедовать, что Бога нет, что всякое государство есть зло и, наконец, что пора прекратить существование самого рода человеческого (Леонтьев 2007: 445).

Церковь тоже словно наслушалась толстовских проповедей, перестала окормлять самодержца:

Скажем, в марте 1917 г. русская православная церковь практически *in corpore* отступилась от своего формального главы – императора Николая II, но об этом сегодня не вспоминают. В наше время РПЦ канонизировала его в качестве страстотерпца, как результат, возникло представление, что самодержавие и православие жили душа в душу (Булдаков 2013: 61).

Политики были в полной растерянности, либералы срочно создали Временное правительство, у которого даже малейших планов не было на дальнейшее движение страны. Были благие намерения, но ими, как известно, вымощена дорога в ад. Антихрист пока мелькал на заднем плане. Ленина еще никто всерьез не принимал, поскольку та степень нечеловеческой жестокости, которую он ввел как норму политической жизни, еще не наступила.

Как замечал Чаадаев, живописность для описания нашей истории чрезвычайно важна. Эта живописность в высшей степени была свойственна Розанову. Приведу его знаменитые слова:

Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. <...> Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. <...> Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса (Розанов 2000: 6-7).

Что же произошло после распада государства?

Стоит напомнить описание Гоббсом догосударственного состояния:

Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно войной всех против всех. Ибо *война* есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения (Гоббс 1991: 95).

Иными словами, общественное состояние, когда жизнь человека в опасности, есть первый признак естественного состояния. Гоббс точно описывает то, что переживала Россия. Все, что характерно для времени войны, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. Действительно, после невероятного экономического взрыва, когда Александр Блок увидел в России новую Америку, шайки бродяг, бездельников, дезертиров с оружием могли вызвать только ужас. Как вспоминал великий социолог Питирим Сорокин:

Обычный порядок жизни сломан. Магазины и учреждения закрыты. В университете вместо лекций идут политические митинги. На пороге моей страны стоит Революция. ...Полиция пребывает в бездействии и нерешительности. Даже казаки отказываются разгонять толпу. Это означает, что правительство беспомощно и его аппарат сломлен. Бунтовщики начали убивать полицейских. ...Конец близок... или это только начало? (Сорокин 1992: 72).

Но если это было и начало, то начало возврата к прошлому, к дикости.

Созданный композитором А. Гречаниновым на слова К.Бальмонта в начале марта новый Государственный гимн, невольно показал, что это не гимн государства, а гимн пугачевской вольницы:

Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!

Поэту в этом виделась какая-то высшая правда. Стихия считает, что несет в себе истину мира, но она – стихия, т.е. находится вне разума. Поразительно точна реакция Бунина:

“Революция – стихия...”. Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются (Бунин 1990: 108).

А вот описание наблюдателя этого перехода безумия войны в безумие революции. Когда случается вдруг революция,

начинается реализация всех несбыточностей жизни, отречение от реальностей, погоня за химерами. Все начинают жить ультрафиолетовыми лучами своего жизненного спектра. Мечты о прекрасной даме разрушают семьи, прекрасные дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уездными комиссаршами. Передоновы переходят из средне учебных заведений в чеку. Садистические “щипки и единицы” превращаются в террористические акты. Разворачивается *страшный революционный маскарад*. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы – военкорами, священники – конференсье в революционных кабаре (Степун 2000а: 394).

2. Отречение как предательство

Историческое вырождение монархической системы правления, выразившееся в *бессилии* императора остановить народное возмущение, в *отречении* в самый критический для России момент правящей династии от трона, что лишило страну во время войны единственной – легитимной – на тот период власти и основы государства. Это отречение было равно предательству страны. Трудно не согласиться с Солженицыным:

Всякий народ вправе ожидать от своего правительства *силы* – а иначе зачем и правительство? (Солженицын 2016: 18).

Надо при этом понять, что самого царя предала политическая верхушка и, что было для него страшнее, от него потребовала отречение верхушка армии. Все боевые генералы.

Гоббс, переживший страшные революционные потрясения, писал:

Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. <...> В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство *есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты* (курсив мой. – В.К.) (Гоббс 1991: 133).

Но беда была в том, что возникла идея отказа от всякого прошлого. Шло заискивание *всех* пришедших в феврале к власти *партий перед народом*. Это привело, во-первых, к развалу армии (издан приказ № 1 о возможности смещать и назначать командиров выборным путем, что неминуемо вело к распаду армии). Во-вторых, постоянные призывы отбирать у помещиков землю, не дожидаясь правовых решений, т.е. методами насилия, что лишало народ всякого уважения к закону. В-третьих, упразднение органов правопорядка (уже в марте была распущена полиция, что должно было символизировать победу над “царскими сатрапами и насильниками”, а на деле означало разрешение на грабежи и разбой всем темным элементам).

Были громкие поэтические и политические слова, произнесенные без понимания исторического ужаса исторической ситуации. 17 апреля 1917 г. в *Поэтохронике революции* Маяковский писал:

На крыльях флагов
стоглавой лавою
из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.

Очень точен анализ этих дней у американского историка:

Ничто лучше не иллюстрирует отстраненность правительства от реальности, чем решение царя в этот напряженнейший и сложный момент отправиться в Могилев. Он намеревался провести там неделю для совещаний с генералом Алексеевым, только что возвратившимся в Ставку после лечения в Крыму. У Протопопова это решение не вызвало никаких сомнений. Вечером 21 февраля он уверял государя, что беспокоиться не о чем и он может ехать со спокойным сердцем в уверенности, что тыл в надежных руках. К вечеру следующего дня царь уехал. А две недели спустя он уже вернулся как частное лицо – “Николай Романов”, и под конвоем (Пайпс 1994: 306).

Царский поезд покинул волновавшийся Петроград. К этому надо добавить характеристику последнего министра внутренних дел, успокаивавшего царя, что все в порядке, – А.Д. Протопопова как “рокового человека”, данную Александром Блоком, который писал:

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти (Блок 2005: 20).

Никто не хотел свержения царской власти. Все просто хотели нового царя. Но неповоротливость начальственных мозгов, которым не приходило в голову, что во время страшной большой войны главнокомандующего, тем более императора не

меняют: это путь к поражению. Коней на переправе не перепрыгают – формула старая. Царь предал государство, армия предала самодержца. Морис Палеолог писал:

Решительная роль, которую присвоила себе армия в настоящей фазе революции, только что на моих глазах нашла подтверждение в зрелище трех полков, продефилировавших перед посольством по дороге в Таврический дворец. Они идут в полном порядке, с оркестром впереди. Во главе их несколько офицеров, с широкой красной кокардой на фуражке, с бантом из красных лент на плече, с красными нашивками на рукавах. Старое полковое знамя, покрытое иконами, окружено красными знаменами. <...> И все, офицеры и солдаты, заявляли о своей преданности новой власти, которой они даже названия не знают, как будто они торопились устремиться к новому рабству. Во время сообщения об этом позорном эпизоде я думаю о честных швейцарцах, которые были перебиты на ступенях Тюильрийского дворца 10 августа 1792 г. Между тем, Людовик XVI не был их национальным государем, и, приветствуя его, они не называли его “царь-батюшка” (Палеолог 1991: 353-354).

Армия, в которой пропала идея воинского долга и дисциплины, становится неуправляемой хаотической массой. Масса не имеет представления о ценности отдельного человека. Как писал великий русский ученый А.Л. Чижевский:

Массы и толпы могут ликовать при виде самых ужасных насилий, зверств, убийств. Ими изобретаются мучительнейшие казни. Безумие воплощается в жизнь (Чижевский 1924: 40).

Я бы сказал, в России наступало всеобщее безумие. Но необходим был безумный лидер. Он появится чуть позже.

3. *Отказ от прошлого – от истории и культуры*

Царь был в растерянности. Можно ли хоть на минуту вообразить Петра Великого, который прислушивался бы к трусливым нашептываниям бояр и верил страхам своих генералов! Он нашел бы на них управу, и это очевидно. А здесь семьянин оказался сильнее государя. Под давлением Думы и генералов, он полагал, что, отрекаясь, спасает семью. Отрекаясь в пользу сына, царевича Алексея, в последний момент он испугался за больного сына и отрекся в пользу младшего брата Михаила. В результате погибла не только империя, но и семья царя. Как не раз отмечали историки, было три бредовых пункта в этой передаче власти, поддержанной ошалевшей от вседозволенности либеральной Думой.

1. Не был спрошен Михаил, хочет ли он принять на себя тяжесть царства. Ему Николай отдал трон и царские атрибуты, как мальчишка в песочнице, наигравшись, передает лопатку, совочек и формочки приятелю. А Михаил и вправду не хотел.

2. Император не имел государственного права на отречение в час великой военной опасности для страны. Как его предали генералы и думские депутаты, так он предал Россию. Генералы спохватились, началось белое движение, но было поздно, предательство уже состоялось.
3. И, наконец, как верующий христианин, а мемуары об этом свидетельствуют, он должен был понимать, что помазанник Божий может уйти с поста только в результате смерти.

Я уже упоминал о склонности к суициду людей в моменты массовых волнений. Безумие масс оказалось страшнее безумия тех сумасшедших творцов, о которых писал Чезаре Ломброзо, поскольку безумие масс лишено творческого начала, оно несет только разрушительное начало. Увы, матрица человеческого развития держит основу людского бытия, меняя только внешнюю форму. У древних греков была одна из самых коварных и жестоких богинь, богиня Ата – дочь Зевса и богини раздора Эриды, богиня обмана, заблуждения, ослепления и помрачения ума.

И первое, что происходит, самое страшное для страны – развал армии. Еще не произошло отречение царя, но его враги (не болтливые думцы, создававшие атмосферу психоза, а левые радикалы, которых никто не принимал всерьез) уже составили 1 марта и опубликовали *приказ № 1*, позволявший рядовым расправляться с офицерами, в результате армия практически перестала существовать. Был наскоро организован радикалами *Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов*, не подчинявшийся ни царю, ни Думе.

Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор “Новой Жизни” говорил французскому писателю Claude Anet: “Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство (Деникин 1921: 66).

Историк Русского Зарубежья Г.М. Катков писал:

Приказ так и не поставили на голосование, и Исполнительный Комитет как таковой ничего о нем не знал, пока его не опубликовали, хотя этот Документ и появился за коллективной подписью. <...> Ни Соколов, ни солдаты не могли бы удержаться от неумеренности, типичной для революционного опьянения тех первых дней. Напечатанный же документ сух и сдержан, четкостью стиля напоминает Ленина (Катков 2006: 392-394).

На что был расчет? Скорее всего, на то, что молодежь, новое поколение готово принять любую неожиданную новацию, которая ведет к перевороту существующего порядка мира.

Знаменитая прокламация “Молодой России”, составленная радикалами 60-х годов XIX века, призывала к истреблению дома Романовых и всех высших сановников. Но Ленин – беспощадный враг императора (с момента казни старшего брата) – объявил царю дуэль без правил, повторяя идеи “Молодой России”. Вот несколько его высказываний:

“Полоумному Николаю II отрубить голову!”; “... надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых” (8 декабря 1911 г.); “в других странах... нет таких полоумных, как Николай” (14 мая 1917 г.); “слабоумный Николай Романов” (22 мая 1917 г.); “идиот Романов” (12 марта, 13 и 29 апреля 1918 г.); “изверг-идиот Романов” (22 мая 1918 г.) (Ленин 1967-1981, XXI: 85; XXXII: 215; XXXVI: 269, 362) и т.д., и т.п.

Как вспоминал русский мыслитель Федор Степун, современник происходившего:

Вглядываясь в революции 20-го века, нельзя не видеть, что свойственный им дух утопического активизма связан с молодостью их вождей. Требование русских бунтарей – Бакунина, Нечаева и Ткачева – “долой стариков” бесспорно сыграло в новейшей истории весьма значительную роль. Для большевистского бунта, как и для фашистских переворотов в Италии и Германии характерна, впрочем, не только та роль, которую в них играла молодежь, но и сознание этой молодежи своей революционной роли в истории. Причин, объясняющих этот факт, много и большинство из них налицо. <...> Чувством здешней бессмертности и объясняется прежде всего революционный титанизм молодости, ее жажда власти и славы, ее твердая вера в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему – одним словом всё то, что характерно для вождей, диктаторов, героев-революционеров, чувствующих себя не смертными человеками, а бессмертными полубогами (Степун 2000б: 292-293).

Поэт-футурист Хлебников так выразил свое понимание движение мироздания в тексте *Октябрь на Неве*:

Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти (Хлебников 2004, V: 186).

Разумеется, сам поэт не причастен к творившемуся тогда злу. Он просто выразил господствовавшее во взбаламученной стране умонастроение. А оно было вполне антиисторическим и антихристианским. Для сравнения: Христос слышал неслышимый другими голос своего Отца и повиновался ему. Хлебников задает себе и своим словам уровень *абсолютного нигилизма* по отношению к культуре:

Мы верим в себя, – пишет он в “Трубе марсиан” (1916), – и с негодованием отталкиваем порочный шепот людей прошлого, мечтающих уклонить нас в пятю. Ведь мы босы. <...> Но мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому (разрядка В. Хлебникова. – В.К.) (Хлебников 2004, VI/1: 246).

Здесь очевидна внутренняя рифмовка с “ахиллесовой пятой” (“уклонить в пятю”), иными словами, бюджетяне выглядят почти гомеровскими героями. И далее он восклицает:

Старшие! Вы задерживаете бег человечества и мешаете клокочущему паровозу юности взять лежащую на ее пути гору. Мы сорвали печати и убедились, что груз – могильные плиты для юности (Хлебников 2004, VI/1: 251).

Можно сказать, что в этих словах звучит неплохо усвоенный Ницше, провозгласивший в своем *Заратустре* приход человека будущего – сверхчеловека. Но, как и многие другие последователи немецкого мыслителя, русский поэт задается *практическим* вопросом, пытается понять,

как освободиться от засилья людей прошлого (Хлебников 2004, VI/1: 251).

На этот вопрос с успехом ответили и большевики, и нацисты. Конечно, это абсолютно революционный, а не эволюционно-творческий путь.

А что же происходило в искусстве в этот момент? Была замечательная формула в первом манифесте футуристов, “бюджетян”, – “бросить Пушкина, Толстого, Достоевского с парохода современности”. Не сбросить, а именно бросить. Как хлам, как ненужную вещь. Манифест назывался *Пощечина общественному вкусу*.

Питирим Сорокин видит у новых революционеров, лидеров толпы, не только вражду к буржуазии и самодержавию, но ненависть к старым революционерам, которые пролагали путь безумцам, считавшими себя обладателями истины, последнего слова науки, а потому готовыми на любое преступление.

Думали ли вы когда-нибудь о себе как о реакционном контрреволюционере? – спросил я Плеханова.

– Если эти маньяки – революционеры, то я горжусь, что меня называют реакционером, – ответил основатель партии социал-демократов.

– Берегитесь, господин Плеханов, – сказал я, – в конце концов вас арестуют, как только эти люди, ваши же ученики, станут диктаторами.

– Эти люди стали даже большими реакционерами, чем царское правительство, так что чего еще мне ждать, кроме ареста? – с горечью ответил он (Сорокин 1992: 91).

Победила однако языческая и нигилистическая “карамазовщина”. Большевики *вполне по-карамазовски* строили свою деятельность на отрицании, на уничтожении

“отцов”, звавших к цивилизации страны. Скажем, был отвергнут Лениным еще в начале века даже “отец русского марксизма” Г.В. Плеханов, по воспоминаниям всех очевидцев подлинный “русский европеец”. А после победы Октябрьской революции Плеханов был подвергнут таким унижениям, которые оказались равнозначны убийству. 21 мая 1918 г. Зинаида Гиппиус заносит в свой дневник:

... Умер Плеханов. Его съела родина... Он умирал в Финляндии. Звал друзей, чтобы проститься, но их большевики не пропустили. После Октября, когда “революционные” банды 15 раз (sic!) вламывались к нему, обыскивали, стаскивали с постели, издеваясь и глумясь, – после этого ужаса, внешнего и внутреннего, – он уже не понимал головы с подушки. У него тогда же пошла кровь горлом, его увезли в больницу, потом в Финляндию... Его убили те, кому он, в меру силы, служил сорок лет (Гиппиус 1991: 230-231).

Священное Писание ясно и определенно различает состояние отсутствия (или ослабления) разума как болезнь и безумие, как слепое и безрассудное отрицание Бога.

Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Развратились они и совершили гнусные преступления; нет делающего добро. Бог с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделали равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного. Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб, и не призывающие Бога? (Пс. 52, 2-5).

Что можно противопоставить этому безумию? Лекарству этому по меньшей мере две тысячи лет. Вспомним слова апостола Павла:

Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их (1 Кор. 3, 19).

Иными словами, революционеры, делавшие революцию, заставлявшие отречься царя, разваливавшие армию и государство полагали, что они строят “мир сей”, но такое строительство есть безумие перед Богом. Спокойно констатирует Степун:

Как безвыходна была бы история человечества, если бы она почти 2000 лет тому назад не осветилась бы светом христианства. <...> Чтобы не соблазниться всемогуществом зла, надо лишь понять, что истина побеждает и там, где отрицающая ее ложь, пытаясь на свой лад строить нашу жизнь, изо дня в день только разрушает ее (Степун 2000а: 292-293).

Самое главное: отречение от прошлого – есть отречение от христианства. Это прозвучало даже в стихах великого поэта Блока:

А вон и долгополый
Сторонкой за сугроб

“Клячу истории загоним!” – писал Маяковский. Пришла война, в искусстве возник модерн, который, по выражению Маяковского писал войной. Потом постмодерн, но к нормальному христианскому разуму так и не вернулись. “Можно не писать о войне, но *надо* писать *войною!*”, – утверждал Маяковский в 1914 в статье *Штатская шрапнель*. Это безумие, которое уже не знало границ.

В сомнамбулическом бреде массы совершают губительные для себя и страны поступки. Потом появляется реальный безумец, который ведет всех к безумной цели, навевая им “сон золотой”. С легкой руки Горького в пьесе *На дне* (1902) устами актера процитировавшего стих Беранже, эти строчки в каком-то смысле определили умственное состояние эпохи.

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!

К правде святой дороги не нашли, но появился безумец, который навевал сон золотой, назвав его научной истиной по Марксу. Наука ведь истина мира сего. И толпа пошла за ним. Ленин полагал, что учение Маркса всесильно, а потому открывает человечеству путь к счастью и правде святой:

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание (*Три источника и три составных части марксизма*, см. Ленин 1967-1981, XXIII: 143).

В гениальной книге Густава Лебона *Психология народов и масс* сказано, что для убеждения вожаками толпы необходимо, чтобы какое-нибудь утверждение повторялось не раз, тогда

образуется то, что называется течением и на сцену выступает могущественный фактор – зараза. В толпе идеи, чувства, эмоции, верования – все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. <...> Умственные расстройства, например безумие, также обладают заразительностью (Лебон 2016: 184).

В последних сценах романа Достоевского *Преступление и наказание* Раскольников посещает видение, что в людей вселялись мельчайшие существа – трихины, превращавшие людей в безумцев, абсолютно уверенных в своей правоте. Это безумие заставляло людей убивать друг друга, чтобы доказать свою правоту. Ленин не был ученым, каким, безусловно, являлся Маркс, но сила его убедительности была феноменальна. Он не устал повторять, что учение Маркса всесильно, потому что верно. Он твердил, что с победой марксизма мир переходит по ту сторону необходимости. А потом наступит царство свободы, когда времени не будет. Это утверждение повто-

рялось им неоднократно и стало убедительным как формула. Но время есть, и пока есть Бог, история длится. Очевидно, прав Василий Розанов:

Евангелие бессрочно. А все другое срочно – вот в чем дело (Розанов 1990: 611).

Но бред о конце истории был, и имя Маркса наполнилось невиданными энергиями. Социалистическое дело – разумно, считает Степун, а здесь, в России, произошло противное разуму:

Вся острота революционного безумия связана с тем, что в революционные эпохи сходит с ума сам разум (выделено мной – В.К.) (Степун 2000а: 386).

4. *Главный безумец или конец иллюзий*

“Мы не сделали скандала, / нам вождя не доставало, / настоящих буйных мало, / вот и нету вожаков”, – слова Высоцкого из песни надо бы выбить на плите, посвященной Октябрю. Массы безумны, и ждут вождя из буйных сумасшедших. Еще раз только подчеркну, что безумцы считают себя здоровыми, только со стороны можно их угадать.

Первым увидел в Ленине “прирожденного преступника”, который не остановится ни перед чем и выполнит все затаенные желания массы, великий русский писатель Иван Бунин. Он писал:

Это Ленины задушили в России малейшее свободное дыхание, они увеличили число русских трупов в *сотни тысяч* раз, они превратили лужи крови в моря крови, а богатейшую в мире страну народа пусть темного, зыбкого, но все же великого, давшего на всех поприщах истинных гениев не меньше Англии (Бунин 1997: 69-70).

Степун замечал о Ленине:

Как прирожденный вождь он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом – догматом о тождестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня, кое-как, наконец, исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса (Степун 2000а: 342).

Замечу, что о жестокости Ленина поначалу (до создания советского мифа для детей о добром дедушке Ленине) говорили его соратники, не только не стесняясь, но одобрительно. Скажем, Троцкий вспоминал о реакции Ленина на отмену смертной казни солдат-дезертиров:

Вздор, – повторял он. – Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придаст значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? (Троцкий 1990: 213).

Рождался страшный мир, и рождался он страшно. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна

великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же надо лишить толпу “опиума религии”, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот “планетарный” скот другое – дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет? (Бунин 1997: 132).

Поразительно, что безумным его называл сначала лишь Плеханов в связи с так называемыми *апрельскими тезисами*, текст которых он увидел как парафраз чеховской *Палаты №6* о сумасшедшем доме. Действительно перевод мировой войны в гражданскую, о которой мечтал и осуществил главный большевик, – это почти вапирическое упоение реками крови, которые должны пролиться. Сам Ленин, по воспоминаниям сестры, прочитав повесть Чехова, почувствовал себя запертым в этой палате, выскочил на улицу и бегал по улицам. Продолжая игру с той темой, можно вообразить безумного доктора, вырвавшегося из палаты № 6 и всю Россию поместивший в эту палату, где сторож Никита жестоко избивал больных.

Как оценивал Ленина Морис Палеолог:

Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать (Палеолог 1991: 431-432).

Наблюдательный француз продолжает:

В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина (Палеолог 1991: 466).

И Ленин пришел.

И народ в нем увидел искомого буйного, который свое безумие укладывал в разумные слова, ибо смысл ленинских речей

заклучался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой. <...> Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. <...> В июне 1917-го года мало кому было ясно, насколько легче революции войти в логику своего безумия, чем в разум своей истины (Степун 2000а: 383-385).

Просто безумие выступало под маской разума – с уверенностью безумия. Как не раз отмечалось в психиатрической литературе, безумцы считают себя вполне здоровыми. Более того, они вполне ориентированы на публику, к которой они обращаются, причем обращаются голосом повелителя. Но в чем сила безумия? Об этом жестко и точно сказал старый мудрец Лев Толстой, сам безумный в своей анархистской программе, но к концу жизни избавившийся от многих своих иллюзий, от своего сумасшествия. В своем дневнике от 27 июня 1910 году Лев Толстой записал, что сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые, достигают своих целей. Происходит это оттого, что для них нет никаких нравственных преград, ни стыда, ни справедливости, ни даже страха.

Я бы добавил, что самое ужасное, что *они уверены в справедливости своих слов и действий*, поэтому не имеют преград.

Если Христос обращался к каждому, говоря, что в доме Отца Его всем есть место для жизни вечной, то Ленин требовал

считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководивший еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов (*Детская болезнь левизны в коммунизме*, см. Ленин 1967-1981, XLI: 79).

И жалеть единиц немыслимо при такой установке. Иными словами, он в принципе уничтожал шанс на жизнь у каждого, не жалея никого, особенно тех, кто хорошо ли, плохо ли проповедовал слово Христа. Перечислять все ленинские грубости, вроде того, что “боженька” – это “*труположество*”, приказы о расстрелах священников не буду. Слишком много заняло бы это места. Но не могу не привести его секретное письмо Политбюро от 19 марта 1922 года, оно очень впечатляюще:

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше (РЦХИДНИ, Ф. 2. Оп. 1, Д. 22947, “Известия ЦК КПСС”, 1990, 4, с. 190-193).

И далее бывший юрист предлагает *узаконить террор*:

...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас (Ленин 1967-1981, XLV: 190).

Впрочем, история хитра и мудра. Труположество все же случилось. Мертвое тело самого Ленина уложили в специально построенный мавзолей, где его труп наполнялся демоническими энергиями, окормляя ими народ и страну. В заключение стоит вернуться к судьбе императора.

Была дуэль Ленина и царя. Ленин царя убил. Рассказ Троцкого:

В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Конечно, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов, – а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях (Троцкий 1994: 118).

И императора, и его семью убили по-бандитски, по-пугачевски, в подвале, словно в подворотне зарезали. Трудно удержаться, чтобы не сослаться на понимание природы революции Гоббсом, заметившим, что когда люди позволяют

некоторым из своих сограждан, которые, не предоставляя других чудес в подтверждение своего призвания, кроме иногда необычайного успеха и безнаказанности, могут клеветой на правительство вовлечь христианских подданных в мятеж, этим путем разрушить все законы божеские и человеческие и, опрокинув всякий порядок и правительство, ввергнуть общество в первоначальный хаос насилия и гражданской войны (Гоббс 1991: 335-336).

Так и случилось в России, а далее потребовалось по меньшей мере столетие, чтобы выйти из хаоса безумия и вернуться в историю.

Литература

- Арендт 2011: Х. Арендт, *О революции*, Европа, М. 2011.
- Блок 2005: А. Блок, *Последние дни императорской власти*, Захаров, М. 2005.
- Бунин 1990: И.А. Бунин, *Окаянные дни*, Советский писатель, М. 1990.
- Бунин 1997: И.А. Бунин, *Великий дурман*, "Совершенно секретно", М. 1997.
- Булгаков 1996: С.Н. Булгаков, *Тихие думы*, Республика, М. 1996.
- Булдаков 2013: В.П. Булдаков, *Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения*, "Вопросы философии", 2013, 8, с. 54-65.
- Гиппиус 1991: З.Н. Гиппиус, *Современная запись. 1914-1919 гг.*, в: Д. Мережковский, *Больная Россия*. Изд-во Ленингр. ун-та, Л. 1991, с. 207-237.
- Гоббс 1991: Т. Гоббс, *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского*, в: Он же, *Сочинения в 2-х т.*, II, Мысль, М. 1991, с. 3-546.
- Д'Анкос 2002: Э.К. Д'Анкос, *Ленин*, РОССПЭН, М. 2002.
- Деникин 1921: А.И. Деникин, *Очерки русской смуты*, I, Paris 1921.
- Катков 2006: Г. Катков, *Февральская революция*, Центрполиграф, М. 2006.
- Лебон 2016: Г. Лебон, *Психология народов и масс*, Академический проект, М. 2016.
- Ленин 1967-1981: В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, I-LV, Издательство политической литературы, М. 1967-1981¹.
- Леонтьев 2007: К.Н. Леонтьев, *Над могилой Пазухина*, в: Он же, *Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах*, VIII/1, Владимир Даль, СПб. 2007, с. 444-459.
- Ливен 2007: Д. Ливен, *Российская империя и ее враги*, Европа, М. 2007.
- Ницше 1990: Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра*, в: Он же, *Сочинения в 2-х томах*, II, Мысль, М. 1990, с. 5-237.
- Розанов 1990: В.В. Розанов, *Опавшие листья. Короб второй*, в: Он же, *Сочинения в 2 томах*, II, Правда, М. 1990, с. 421-629.
- Розанов 2000: В.В. Розанов, *Апокалипсис нашего времени*, Республика, М. 2000.
- Пайпс 1994: Р. Пайпс, *Русская революция*, I, РОССПЭН, М. 1994.
- Палеолог 1991: М. Палеолог, *Царская Россия накануне революции*, Политиздат, М. 1991.
- Солженицын 2016: А.И. Солженицын, *Размышления над февральской революцией. Черты двух революций*, Колибри, М. 2016.
- Сорокин 1992: П.А. Сорокин, *Дальняя дорога. Автобиография*. Московский Рабочий-ТЕРРА, М. 1992.

- Степун 2000а: Ф.А. Степун, *Сочинения*, РОССПЭН, М. 2000.
- Степун 2000б: Ф.А. Степун, *Бывшее и несбывшееся*, Алетейя, СПб. 2000.
- Степун 2000в: Ф.А. Степун, *Из писем прапорщика-артиллериста*, Водолей, Томск 2000.
- Троцкий 1990: Л.Д. Троцкий, *К истории русской революции*, Политиздат, М. 1990.
- Троцкий 1991: Л.Д. Троцкий, *Моя жизнь. Опыт автобиографии*, Восточно-Сибирское книжное издательство, Иркутск 1991.
- Троцкий 1994: Л.Д. Троцкий, *Дневники и письма*, Изд-во гуманитарной литературы, М. 1994.
- Хлебников 2004: В. Хлебников, *Собрание сочинений*, I-VI, ИМЛИ РАН, М. 2004.
- Чижевский 1924: А.Л. Чижевский, *Физические факторы исторического процесса*, Калуга-Марс, Калуга 1924.

Abstract

Vladimir Kantor

Revolution, or Madness in the Guise of Truth

In his article, Vladimir Kantor examines the mental causes of the Russian revolution of 1917. He analyses, as a matter of fact, the pan-European problem – the darkening of the Christian mind, and how, during social upheavals, elements that despise the mind awake and universal madness is born. The author shows how suicidal moods awake in the masses, leading to social disasters. In such epochs, historical experience is forgotten, and, like zombies, the crowd follows its leaders to the abyss, like in the paintings of Brueghel created on the eve of the Netherlands revolution: *Mad Greta*, *Triumph of Death* or *Parable of the Blind*. So it happened in Russia, and then it took at least a century to get out of the chaos of insanity and return to history.

Keywords

Russian Revolution; Europe; Society; Literature.